(cc) BY

Заровняева Парасковья Даниловна
магистрант
ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный
университет им. М.К. Аммосова»
г. Якутск, Республика Саха (Якутия)

ТИПОЛОГИЯ ОБРАЗОВ В «ЗАПИСКАХ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация: *статья посвящена исследованию типологии образов в «Записках из Мертвого дома». Выявляется, что в данном переходном для творчества писателя произведении формируется типология героев Достоевского, в дальнейшем характерная для его романов. На основе анализа текста произведения выделяются следующие основные типологические группы образов: кроткие (Настасья Ивановна, Сироткин, Алей), демоническая личность (Газин, Жеребятников), сверхчеловек (Орлов, Нурра, Петров).*

Ключевые слова: *типология образов, кроткие, демоническая личность, сверхчеловек, категории свободы и зла, Ф.М. Достоевский.*

Ф.М. Достоевский вошел в историю русской и мировой литературы как писатель-философ, так как в центре его произведений всегда стояли универсальные проблемы, такие, как смысл человеческого бытия, взаимоотношения человека и мира, человека и Бога, вины и возмездия и др. Именно обращение к общечеловеческим вечным проблемам делает творчество писателя чрезвычайно актуальным в наше время. Раскрытие универсальной проблематики соотносится у Достоевского с глубоким интересом к тайнам внутреннего мира человека, к психологическому анализу личности.

Достоевский рассматривает человека в трех ракурсах: социальном, природно-социальном и личностном. Принадлежность к какой бы то ни было массе, общности не стирает индивидуальности, индивидуальности предстают среди массы. Достоевский приходит к выводу, что убогая жизнь порождает или убогую личность, или личность, способную противостоять этой убогости. Нищая

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

жизнь – это жизнь, лишающая человека образования, культуры, человеческих условий существования. Образованность же один из путей нравственного совершенствования.

Тема преступления волновала писателя на протяжении всей его творческой жизни. Концепция преступления у писателя связана с категориями: зла и свободы. Зло появляется на путях свободы, без этой связи со свободой не существует ответственности за зло, без свободы за зло был бы ответствен Бог. Достоевский глубже, чем кто-либо понимал взаимообусловленность зла и свободы, но понимал также, что без свободы нет добра. Добро есть также обусловлено свободой и в этом проявляется тайна жизни, тайна человеческой судьбы.

Свобода – иррациональна, и потому она может создать и добро, и зло. Но отвергнуть свободу на том основании, что она может породить зло, значит породить зло еще большее. Ибо лишь свободное добро есть добро, принуждение же и рабство, соблазняющиеся добродетелью, есть антихристово зло. Тут все загадки, антиномии и тайны. Достоевский не только ставит нас перед этими загадками, но и много делает для их разгадывания. У Достоевского было своеобразное, исключительное отношение к злу, которое может многих соблазнить. И нужно до конца понять, как он ставил и разрешал проблему зла. «Путь свободы переходит в своеволие, своеволие ведет к злу, зло – к преступлению» [1, с. 84].

В становлении своего мировоззрения Достоевский прошел трудный путь. Процесс перерождения взглядов писателя начался после ареста 1849 году по делу Петрашевцев, тогда отбыв в одиночной камере Алексеевского равелина Петропавловской крепости почти девять месяцев, побывав «на волоске от смерти», писатель был помилован и отправлен на каторжные работы в Омский каторжный острог. Находясь на каторге в Омском остроге четыре года, Достоевский увидел удивительное разнообразие личностей, оригинальных, не похожих друг на друга. В преступлении каждого была своя история, свой путь, проявилась особая неожиданная индивидуальность.

Уже покинув каторжную тюрьму, Достоевский писал брату 22 февраля 1854г.: «Сколько я вынес из каторги народных типов, характеров! Я сжился с

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ними, и потому, кажется, знаю их порядочно. Сколько историй бродяг и разбойников и вообще всего черного, горемычного быта. На целые томы достанет. Что за чудный народ» [2, с. 207]

«Записки из Мертвого дома», написанные с 1860 по 1861 год, явились произведением переходным между ранним творчеством писателя и последующим, наступившим в период после каторги, отражают трансформацию его поэтики и заключают в себе уже некоторые тенденции, которые будут реализованы в его больших романах.

Произведение повествует о реалиях каторжной жизни, главный герой и повествователь «Записок из Мертвого дома» Горянчиков Александр Петрович осужден за убийство жены из-за ревности, но всюду слышится голос самого автора. Анализ текста произведения позволяет выделить следующие типологические группы образов, которые найдут развитие в последующем творчестве Достоевского: кроткие, демоническая личность, сверхчеловек.

Кротость – особенность поведенческих реакций человека. В обыденном смысле под кротостью понимается незлобивый и отходчивый нрав человека, готового осознанно прощать ошибки и обиды другим. В произведениях Достоевского к данному типу персонажей можно отнести, например, Соню Мармеладову, князя Мышкина, Алешу Карамазова. В «Записках из Мертвого дома» к типу кротких принадлежат нескольких персонажей.

Особой кротостью характера в «Записках…» выделяется Настасья Ивановна. Она бедная вдова, которая живет у близкого родственника в городе рядом с Омским каторжным острогом, одинокая, бескорыстная, покладистая, готовая всегда помочь, сделать что-то приятное. Как вспоминает главный герой, «…назначением жизни она избрала помощь ссыльным». Горянчиков и его острожные товарищи были в гостях у Настасьи Ивановны. Он описывает ее как женщину средних лет « …была она не стара и не молода» [3, с. 109], не отличалась яркой внешностью «…не хороша и не дурна…» [3, с. 109], покладистая «смеялась, когда мы смеялись, спешила соглашаться со всем, что бы мы ни сказали» [3, с. 109] но, при этом она завораживала своей «бесконечной добротой»

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

[3, с. 109], прощаясь с арестантами, будто извиняясь, Настасья Ивановна подарила им самодельные сигарочницы.

К типу кротких также относится молодой арестант Сироткин. Сироткин попал на каторгу за убийство своего ротного командира, не смог «вытерпеть рекрутской жизни, потому что там все были такие сердитые, строгие, а командиры всегда почти были им недовольны…» [3, с. 50]. Он является арестантом особого отделения, который исполняет женские роли в казарме и на сцене острожского театра. Сироткин – миловидный юноша двадцати трех лет. Его принадлежность к типу кротких подчеркивается деталями портрета: «…глаза у него были голубые, черты правильные, личико чистенькое, нежное, волосы светло-русые» [3, с. 49]. Автор акцентирует внимание на его смирном нраве, описывая его манеру держаться и говорить: тихий «…ходит, бывало, за казармами – руки в карманах, смирный, задумчивый…» [3, с. 49], кроткий «…он говорил мало, редко смеялся…» [3, с. 49]. Кроме того, указывается на замкнутость характера героя, присущую ему тайну: «он довольно загадочное существо во многих отношениях» [3, с. 49]. Сироткин предстает как социально не приспособленная личность: он не работал, денег имел мало и не умел ими распоряжаться, «…он не купит себе чего-нибудь необходимого, не отдаст починить куртку, не заведёт новых сапогов, а купит калачика, пряничка и скушает, – точно ему семь лет от роду…» [3, с. 49], был ленив «…ходил неряхой…» [3, с. 49]. Кротость героя определяется и отсутствием у него вредных привычек: «…он не пил, в карты не играл, почти ни с кем не ссорился…» [3, с. 50]. Непосредственность героя, желание быть в центре внимания показывают в нем близость к ребенку. «Разве кто другой оденет его хорошо, иногда даже в красную рубашку, и Сироткин, видимо, рад обновке: ходит по казармам, себя показывает» [3, с. 50]. Желанием быть в мире со всеми обусловлены хорошие отношениях между Сироткиным и детоубийцей Газиным.

К типу кротких принадлежит и молодой татарин Алей, сосед Горянчикова «по нарам», с мягким сердцем и прекрасным лицом. Алей отсиживал срок с двумя братьями, был младшим из них. Ему было двадцать два года, «…на вид

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

еще моложе» [3, с. 38]. Алей изображается добрым, бескорыстным человеком, всегда готовым помочь. Ему «очень приятно было хоть чем-нибудь облегчить меня и угодить мне» [3, с. 38], пишет главный герой «Записок…». Алей показан мастеровым человеком: умел качественно шить белье, научился столярному делу, который стремится к знаниям: «с мольбою сложил руки…» [3, с. 38], прося Горянчикова научить его писать и читать. Образ выдержан в духе любимых героев Достоевского, обладающих духовностью. Он верующий человек, который чтит вероисповедания других народов. Характерен рассказ о восхищении Алея «Нагорной проповедью» и о его тонком желании мусульманина порадовать своего нового друга возвеличением его вероучения: «Иса – святой пророк» [3, с. 38]. Алей умеет быть благодарным: когда он выходил из острога, он отвел Горянчикова за казармы «…бросился на шею и заплакал» говоря, что Горянчиков «…сделал из него человека…» [3, с. 39].

Своеобразие художественного мира Достоевского, эстетика «фантастического реализма» наиболее ярко выражены в характерах героев, обладающих демоническими чертами. «Демоническое» связано с представлением писателя о проявлении таинственных сил, колоссальных по своей природе и возможностям, но нереализованных или болезненно искаженных, а потому несущих в себе как великое, так и безобразное. К данному типу персонажей принадлежат, например: князь Валковский, Свидригайлов, Ставрогин, Версилов и др. К «демоническим» личностям в «Записок из Мертвого дома» относятся Газин и Жеребятников.

Прототипом Газина послужило реальное лицо – Газин Фейдулла – арестант Омского острога, который прибыл на каторгу из Сибирского линейного батальона №3, 8 марта 1848 г. на шесть лет за нарушение воинской дисциплины и кражи.

Первая встреча главного героя с Газиным произвела на него «страшное, мучительное», «отвратительное» [3, с. 41] впечатление. В Газине подчеркивается его физическая сила и отсутствие гармонии: он «…сильнее всех в остроге» [3, с. 41], роста выше среднего, мускулист, с «безобразной, непропорциональной головой» [3, с. 41], разбушевавшегося пьяного Газина усмиряли вдесятером

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

«побоями» [3, с. 43], пока он не «становился как мертвый» [3, с. 43]. После побоев Газин «вставал почти здоровый и молча и угрюмо выходил на работу» [3, с. 43]. Отсутствие морального начала акцентируется тем, что жертвой преступлений Газина становились дети. Газин попал на каторгу из-за того, что убивал маленьких детей и получал удовольствие при виде страха и ужаса на лицах детей. Горянчиков характеризует его как тихого, неразговорчивого, избегающего ссор, высокомерного, презирающего других, абсолютно уверенного в себе, хитрого.

К типу «демонической» личности может быть отнесен Жеребятников, один из офицеров-командиров острога, поручик-экзекутор с садистскими наклонностями. Первая встреча Горянчикова с поручиком Жеребятниковым состоялась в больнице. Во внешности Жеребятникова есть что-то отталкивающее. Он человек лет тридцати, высокого роста, толстого телосложения «толстый, жирный, с румяными, заплывшими жиром щеками...» [3, с. 78], белыми зубами и «…с ноздревским раскатистым…» [3, с. 78] смехом. Автор подчеркивает в егрое отсутствие интеллекта, по лицу Жеребятникова было видно, «…что это самый незадумывающийся человек в мире» [3, с. 78]. Жеребятникова и Газина роднит жестокость, которая самим им доставляет удовольствие. Жеребятников выделялся особой жестокостью, работая экзекутором, он любит «сечь и наказывать палками» [3, с. 79]. На каторге арестанты смотрели на Жеребятникова как на «урода», который с наслаждением и с «утонченностями» [3, с. 80] бил их. И далее в «Записках...» подробно описываются некоторые варианты развлечений поручика, «неистощимого на изобретения» [3, с. 81] в части порки арестантов.

В поле зрения писателя попадают и люди закаленной воли, неукротимого протеста и отчаянного бесстрашия, которых можно отнести к типу «сверхчеловек». Таков уголовный преступник Орлов: «В нем мы видели одну бесконечную энергию, жажду деятельности, жажду мщения, жажду достичь предложенной цели. Я поражен был его странным высокомерьем» [3, с. 95].

Орлов – арестант, с которым Горянчиков познакомился в госпитале, ему били свойственны невероятное бесстрашие, хладнокровие, чем он и поразил

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Горянчикова: «…это был злодей, каких мало, резавший хладнокровно стариков и детей». Орлов был «страшной силы воли» [3, с. 96] и «гордым сознанием своей силы» [3, с. 96]. Его сильная, волевая натура помогала ему, быстро приходить в строй после избиения. Орлов проявляет громадное упорство в достижении своей цели сбежать из острога и обрести свободу. На пути обретения свободы его не пугало страшное наказание палками, к которому он всякий раз приговаривался, будучи пойманным после очередного побега.

Орлов – подлинная фамилия человека, когда-то встреченного Достоевским на каторге. О нём Достоевский упоминает и в черновых записях к «Дневнику писателя» 1876 г. «Но то-то и есть, что лишение свободы есть самое страшное истязание, которое почти не может переносить человек. Я это видел (Орлов), они не боялись ни плетей, ни сквозь строя. Одно лишь лишение свободы ужасно. Вот на этом принципе и должна быть построена система наказаний, а не на принципе истязаний» [2, с. 260].

К этому же волевому типу принадлежал каторжник Петров – самый решительный, бесстрашный и не знающий над собой никакого принуждения человек. Из такого разряда выходят в решительные минуты зачинщики и вожаки. «Они вдруг резко и крупно проявляются и обозначаются в минуты какого-нибудь крутого, поголовного действия или переворота. И все бросаются за ними, идут слепо, идут до самой последней стены, где обыкновенно и кладут свои головы» [3, с. 82].

Петров был невысоко роста, сильного телосложения, «сложенный, как геркулес» [3, с. 35], ловкий, вертлявый, с довольно приятным лицом, бледный, с широкими скулами, с смелым взглядом, лет 40, но выглядел на 30 лет. Особое внимание автор уделяет взгляду. Взгляд у него был какой-то странный: «пристальный, с оттенком смелости и некоторой насмешки» [3, с. 82]. По словам Горянчикова, М., предостерегал его о Петрове, что даже Газин не производил на М., такого ужасного и плохого впечатления как Петров.

К типу «сверхчеловек» также относится героический Нурра, прозванный Львом, он был сильным и отважным богатырем, благородным борцом, за

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

независимость своего народа. О нем в «Записках из Мертвого дома» сказано: «На Кавказе он был мирной, но постоянно езжал потихоньку к немирным горцам и оттуда вместе с ними делал набеги на русских» [3, с. 35]. В отличие от Орлова и Петрова, Нурра предстает скорее как положительный персонаж, он вызывает у главного героя самые хорошие, «отрадные» [3, с. 35] чувства. На каторге его все любили. Все его тело было «изрезано», «изрублено», «изранено» [3, с. 35]. На каторге он вел себя смирно, ничего не крал, и не сделал ни одного плохого поступка. Дружелюбие Нурры проявляется и в отношении к Горянчикову: впервые 3 дня каторги Горянчикова он хлопал «по-дружески» [3, с. 36] по плечу, вскоре оказалось, что ему было очень жаль, что Горянчиков попал на каторгу, и своим жестом он пытался воодушевить и поддержать его.

Итак, в «Записках из Мертвого дома» появляются некоторые типы героев, такие, как кроткие (Настасья Ивановна, Сироткин, Алей), «демоническая» личность (Газин, Жеребятников), «сверхчеловек» (Орлов, Нурра, Петров), которые продолжат свое развитие в последующем творчестве Достоевского. Кротких героев отличает доброта, милосердие, мягкость характера, бескорыстие, «демоническим» личностям присущи отсутствие морального начала, бездуховность, крайняя жестокость, «сверхчеловек» наделен такими чертами, как физическая сила, сила духа, несгибаемая воля, бесстрашие. Нурра представляет положительный вариант «сверхчеловека» в отличие от Орлова и Петрова.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского [Текст]. – М.: Захаров, 2001. – 238 с.

2. Достоевский Ф.М. Письма [Текст]: В 4-т. Т. 1 / Под ред. А.С. Долинина. – М. – Л.: Гослитиздат, 1959. – 574 с.

3. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений [Текст]: В 30 т. Т. 4. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ие, 1972. – 324 с.

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)